

УДК 821.161.1

Николаева А.А.*Рязанский государственный университет***О ПОЭТИКЕ АТМОСФЕРЫ КАК ЭЛЕМЕНТЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(ПОЭМА С.А. ЕСЕНИНА «ПУГАЧЁВ»)**

Аннотация. Статья посвящена изучению относительно нового для литературоведения понятия «поэтика атмосферы». Рассматриваются способы реализации поэтики атмосферы в драматическом произведении, её связь с различными элементами художественного целого (композиция, хронотоп) в драматической поэме С.А. Есенина «Пугачёв». По мнению автора статьи, поэтика атмосферы является важнейшим элементом художественной структуры произведения, реализуя заключённый в нём потенциал художественной «заразительности» в её толстовском понимании.

Ключевые слова: С.А. Есенин, поэтика драмы, поэтика атмосферы, художественная «заразительность» произведения.

A. Nikolaeva*Ryazan State University***ON THE POETICS OF THE ATMOSPHERE AS AN ELEMENT
OF THE ARTISTIC STRUCTURE OF A DRAMATIC WORK
(POEM «PUGACHEV» BY S. YESENIN)**

Abstract. The article is devoted to the relatively new literary concept of «the poetics of the atmosphere». The author considers the methods of realization of the poetics of the atmosphere in dramatic works, its relations with the different elements of the artistic whole (composition, time-space) in the dramatic poem «Pugachev» by S. Yesenin. According to the author of the article, the poetics of the atmosphere is the most important element of the artistic structure of the work, that is realized the artistic potential of «affection» (according to the L.Tolstoy's understanding).

Keywords: S. Yesenin, the poetics of the drama, the poetics of the atmosphere, the artistic «affection».

Понятие «поэтика атмосферы» ещё не обрело устойчивых позиций в литературоведческой терминологии, но первые попытки его определения уже имеются. Так, О.Ю. Багдасарян определяет это понятие как «обозначение эмоционально-экспрессивного колорита драматического текста» [1, с. 4]. На наш взгляд, поэтика атмосферы является производным от феномена художественной «заразительности» произведений литературы, о котором писал Л.Н. Толстой: «Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но

© Николаева А.А., 2014.

и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства» [9, с. 165]. Как известно, творчество Л.Н. Толстого оказало влияние на произведения С.А. Есенина [в числе последних исследований см. 6].

Особую роль данная категория приобретает в драматургии, о чём убедительно свидетельствует поэма С.А. Есенина «Пугачёв».

Характер атмосферы в драматической поэме С. Есенина «Пугачёв» является ещё не изученным аспектом есениноведения. На наш взгляд, в поэме можно выделить три типа атмосферы. Это экспрессивная атмосфера мятежа и бунта; мистическая атмосфера торжества тёмных стихий; лирическая атмосфера ностальгических воспоминаний об ушедшей юности.

Доминирующей в поэме оказывается атмосфера мятежа и бунта, что напрямую связано с замыслом автора. Несмотря на то что Есенин обращается к восстанию под руководством Емельяна Пугачёва, тема истории отходит в поэме на второй план. Гораздо важнее поэту показать отношение людей к происходящему, их готовность к борьбе. Поэтому Есенин намеренно воссоздаёт не атмосферу эпохи времён Екатерины, а атмосферу бунта и мятежа. «С первых строк чувствую в слове кровь и мясо» [8, с. 375], – так охарактеризовал своё впечатление от «Пугачёва» А. Мариенгоф.

Атмосфера мятежа создаётся различными средствами. Прежде всего,

её подчёркивает мотивный комплекс поэмы. Мотив неволи, смерти, возмездия позволяет варьировать атмосферу, придавая ей различные оттенки: от волнения до разочарования. Не менее важны динамические экспрессивные метафоры: «прыгают кошками жёлтыми казацкие головы с плеч» [7, с. 13], «мечь щенками кровавыми щенится» [7, с. 26], «если Россия – пруд, то чёрными лягушками в тину пушки мечут стальную икру» [7, с. 18].

Наиболее ярко этот тип атмосферы представлен во второй и пятой главах. В главе «Бегство калмыков» внутренняя динамика усиливается, так как все события напрямую связаны с темой мятежа и требуют активности всех действующих лиц, что подчёркивается различными средствами. Речь героев представляет собой не монологи и диалоги, что является отличительной особенностью драматических произведений, а эмоциональный *полилог*, переходящий в спор. Меняется, по сравнению с первой главой, метрический рисунок стиха: после хорей Есенин резко переходит на тактовик, подчёркивая смятение казаков. На протяжении всей главы используется речевой повтор. Интонационно-ритмический рисунок усиливает атмосферу всё нарастающего бунта благодаря активному использованию риторических вопросов, обращений, восклицаний.

В пятой главе атмосфера бунта показана через чувства действующих здесь лиц. Главным героем главы «Уральский каторжник», как известно, является Хлопуша. Основа его монологов – многократно выраженное в повторах «Проведите, проведите меня к нему, // Я хочу видеть этого человека» [7, с. 29, с. 31] желание видеть Пугачё-

ва во что бы то ни стало. Поэтому он выступает как языческий заклинатель, стремящийся всё подчинить исполнению своего желания. «Заклинатель всю силу свою сосредоточивает на желании, становится как бы воплощением воли. Эта воля превращается в отдельную стихию, которая борется или вступает в дружественный договор с природой – другою стихией ...» [3, с. 48].

Мистическая атмосфера в произведении связана с темой рока. На протяжении всей поэмы мы сталкиваемся с картинами мрачных предзнаменований в природе, с предчувствиями, неуверенностью действующих лиц в положительном исходе мятежа. «Если ход событий подчиняет себе судьбу действующих лиц вопреки их характерам, имея в себе что-то роковое и фатальное, внешне непреодолимое, что влечёт людей к преступлениям, гибели и другим событиям, не вытекающим из их характера, – перед нами “трагедия рока”» [2, с. 4], – подчёркивают исследователи поэтики античной драмы. На наш взгляд, Есенин продолжает традицию античного театра, заранее подготавливая читателя/зрителя к трагическому исходу. Картины мрачных предзнаменований в природе только нагнетают эту атмосферу: «и течёт заря над полем с горла неба перерезанного» [7, с. 9], «как скелеты тощих журавлей, стоят общипанные вербы» [7, с. 18], «около Самары с пробитой башкой ольха, капая жёлтым мозгом, прихрамывает при дороге» [7, с. 35]. Эстетика ужасного нагнетается танатологическими мотивами, образами «оживающих» мёртвых существ и фантомов.

Атмосферу тревоги усиливает и ритм поэмы. На протяжении всего

произведения Есенин намеренно использует систему тройных повторов слов, фраз и целых предложений, благодаря чему нагнетается тревожная атмосфера. «Сложная “партитура” этой вещи как бы прошита или прострочена трассирующим, каким-то барабанным ритмом, примитивным, монотонным, настойчивым... Барабанный этот ритм проходит сквозь пьесу как сигнал тревоги, как голос судьбы, неумолимого рока» [9, с. 157-158].

Мистическая атмосфера доминирует в четвёртой главе. Описание пейзажа здесь содержит предзнаменования смерти: «чёрным крестом в воздухе проболтнется шальная птица» [7, с. 24], «осень ... пророчит кому-то о погибели вещи» [7, с. 24]. Кульминацией мистической атмосферы является момент, когда Пугачёв рассказывает о призраке мёртвого императора. Есенин, по нашему мнению, следует мировой традиции «плясок смерти», известной и в немецком романтизме (И.В. Гёте, Э.Т.А. Гофман, Г. Гейне), и во французском символизме (Ш. Бодлер), и в европейской и русской музыкальной культуре («Пляска смерти» К. Сен-Сенса, Ф. Листа, «Песни и пляски смерти» М.П. Мусоргского). Характерно, что поэт не просто воспроизводит основное действие мертвеца – танец («приплясывая»), но и обращается ещё к одному важному моменту: стремлению мертвеца «забрать с собой» живого человека.

Лирическая атмосфера в произведении чаще всего связана с образом Пугачёва, который выполняет функции не только действующего лица, но и лирического героя поэмы. В своих монологах он размышляет о жизни, вспоминает о юности и отчем доме, говорит

об утраченной гармонии в природе. По замечанию О.Е. Вороновой, в поэме мы имеем дело с «лирическим характером в структуре драматического произведения» [4, с. 129], который и привносит в него лирическую тональность.

На создание лирической атмосферы влияет и стремление Есенина воспроизвести архетипическое мышление. Как отмечает О.Е. Воронова, «человек для Есенина – это своеобразный «малый космос», и в нём также сосуществуют, порой жестоко противоборствуя друг другу, те же три начала, что и в макрокосме: растительное, звериное и человеческое» [5, с. 404]. В своих монологах герои демонстрируют жажду гармонии души и мироздания, а для самого Пугачёва важно не утратить равновесие внутреннего мира. Отсюда – появление лирико-медитативной атмосферы в поэме.

Интересен тот факт, что поэтика атмосферы связана с композиционными особенностями поэмы. Первый монолог Пугачёва заключает в себе сочетание элементов каждого из трёх типов атмосфер. Атмосфера бунта передаётся автором с помощью налёта благодаря использованию слов схожих лексико-семантических групп, обозначающих противостояние: «разбойный Чаган» [7, с. 7], «рать врагов» [6, с. 7], «придавленная чернь» [7, с. 7]. Мистическая атмосфера связана с ещё неясным для всех замыслом героя, желанием «грозно» его свершить и развёрнутой метафорой, вызывающей ассоциацию с мотивами предательства и смерти: «Не удалось им на осиновый шест водрузить головы моей парус» [7, с. 7]. Лирическая атмосфера определяется отношением Пугачёва к окружающему природному миру.

Последняя глава представляет развязку повествовательной линии произведения, связанной с темой бунта, поэтому и атмосфера здесь полностью зависит от главного события главы – стремления казаков схватить Емельяна. Осознанию Пугачёвым своей незащитности соответствует лирико-исповедальная атмосфера, которая заглушает предыдущую. Перед смертью герой задумывается о прожитой жизни, мучается чувством неосознанной вины и прощается с окружающим миром.

Таким образом, лирическая атмосфера, с которой начинается и заканчивается произведение, обрамляет его и в итоге побеждает атмосферу бунта и мятежа. На наш взгляд, это связано и с выбранным поэтом жанром произведения – поэма находится на стыке эпического и лирического родов литературы и сочетает в себе признаки этих двух родов. Атмосфера мятежа подчёркивает повествовательное начало поэмы, мистическая выявляет её философскую глубину, лирическая атмосфера помогает глубже раскрыть внутренний мир героев, их переживания и смятение.

Необходимо отметить, что тип атмосферы связан со временем действия. Атмосфера бунта с её активными действиями и событиями предполагает день, мистическая усиливает ощущение пространственно-временных границ. Лирическая атмосфера, как правило, сопутствует ночи. Ближе к утру происходит первое появление Пугачёва в яицком городке, осенней ночью герой делится своими мыслями с Караваяевым, ночью же Чумаков и Бурнов размышляют об итогах восстания.

Итак, поэтика атмосферы является важнейшим элементом художественной структуры произведения, способным оказывать мощное воздействие на воображение, эмоции и сознание читателя, побуждая его к сотворчеству с автором. Атмосфера драматического произведения несёт в себе огромный потенциал художественной «заразительности» в её толстовском понимании, и поэма С.А. Есенина «Пугачёв» убедительно об этом свидетельствует.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян О.Ю. Поствампиловская драматургия: поэтика атмосферы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.
2. Барсукова Е.В. Жанровая трансформация античной «драмы рока» в русской драматургии XVIII-XIX веков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2008. 15 с.
3. Блок А. Поэзия заговоров и заклинаний // Блок А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Проза. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. С. 37-66.
4. Воронова О.Е. Духовный путь Есенина (религиозно-философские и эстетические искания). Рязань: Изд.: М-ПРЕССС, 1997. 288 с.
5. Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Научное издание. Рязань: Узорочье, 2002. 520 с., илл.
6. Евдокимова В.Ю. Влияние философско-эстетических взглядов Л.Н. Толстого на раннее творчество С.А. Есенина: к постановке проблемы. // Сергей Есенин и русская история. Сб. трудов по материалам Международной научной конференции. Москва – Константиново – Рязань, 2013. С. 320-332.
7. Есенин С.А. Пугачёв // Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Поэмы. М.: «Наука» – «Голос», 1998. С. 7-51.
8. Мариенгоф А.Б. Роман без вранья // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 300-416.
9. Марченко А.М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1989. 304 с.
10. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Собрание сочинений в 22 т. Т. 15. М.: Художественная литература, 1983. С. 41-221.